

Родина поэзии Ручьёва

Литературное наследие. 50 лет минуло, как ушел из жизни певец Магнитостроя

Елена ПАВЕЛИНА

Но жизнь и творчество Бориса Ручьева продолжают волновать как уральских краеведов, так и всех любителей родной литературы. В какой среде мог вырасти такой большой литературный талант? Что дала казачья станица Звериноголовская будущему поэту? Эти и другие вопросы обсудили участники краеведческого калейдоскопа, организованного библиотекой семейного чтения №5 совместно с лабораторией народной культуры НИИ ИАФ.

«Осознание себя поэтом»

В основу встречи «Родина поэзии Ручьева» легли материалы, собранные магнитогорскими филологами во время экспедиции в село Звериноголовское в августе этого года. В течение двух дней удалось собрать немало интересных сведений о проживании семьи Кривошековых в этом старом казацком селении. Надо отдать должное местным жителям, которые рассказали много интересного и поделились ценными экземплярами краеведческой литературы.

Казачья станица Звериноголовка давно интересовала исследователей творчества

Ручьева. Сюда уходят корни Бориса Александровича, ведь его дед и отец были из известного казачьего рода Кривошековых. Для меня всегда было загадкой, как в одной деревне появились три наших поэта – Ручьев, Люгарин и Машковцев? – сказала в вступительном слове научный сотрудник музея-квартиры Ручьева Наталья ТРОИЦКАЯ – Два года назад мы задумали провести Кривошековские чтения в честь 140-летия Александра Ивановича. Организовали телемост, где выступили краеведы из Троицка, Звериноголовки, Челябинска и Магнитогорска. Александр Иванович преподавал историю, географию и еще очень много писал. Поэтому нет сомнений, что любовь к литературе, попытка узнать что-то о своем крае передались Борису Ручьеву от отца.

По словам заведующей лабораторией народной культуры НИИ ИАФ МГТУ Татьяны РОЖКОВОЙ, в 1960-годах бытовало мнение, что биография Ручьева и Люгарина начинается с их приезда на Магнитострой. Заведующий кафедрой советской литературы МГПИ Леонид Заманский после изучения архивных документов написал критический разбор книги биографа Поздязева: «Вы удачно выбрали точку отсчета. В горячке строительных буден рождался новый человек. Именно такая точка отсчета дает возможность точно оценить вклад молодого русского поэта в советскую поэзию 1930-х годов и выявить идейно-художественные достоинства его творчества».

В 1970–1980-х годах противоречия во взглядах на твор-

чество поэта сохранялись. К 70-летию со дня рождения поэта магнитогорские газеты писали: «Именно здесь, на второй родине, пришли к нему чувство причастности к великому всенародному делу, и... осознание себя поэтом». В то же время в книге воспоминаний о Ручьеве есть несколько другие интонации. Павел Хорунжий, например, считал, что поэт гордился своей казачьей родословной: «Мы разгружали чемадан книг, когда пришел Костя. Одному богу известно, как он узнал, что Ручьев казачьего рода, что он втайне гордился этим, что его приобретение песен, собранных Киреевским, составляет предмет гордости уральского казака Бориса Кривошекова». О том, насколько сильно впечатления детства зашли в душу поэта, свидетельствуют строки поэмы «Зависть», которую Ручьев посвятил своему деду: «Теченье времен из-под ног убежало. От детства и дружбы озерных огней прошли мимо деда, станиц и рыбалок счастливые кольца дороги моей».

Мы поставили перед собой задачу посетить родительский дом, могилы предков Кривошековых-Заболотных, собрать предания, связанные с семьей будущих поэтов, – сказала Татьяна Рожкова. – Помог нам местный краевед Михаил ХЛЫЗОВ, у которого мы оставили свои фотографии его исследования по истории казачества и школы, где работал Александр Иванович Кривошеков. Мы ознакомились с памятниками, которые стоят в Звериноголовке. Среди них памятник двадцати

пяти жителям селения, которые расстреляли колчаковцы в 1918 году. Никто из них, как свидетельствуют документы, не числился в составе оренбургского казачества. В Звериноголовке, как оказалось, было много переселенцев, им не разрешили жить в центре станицы, и они селились по окраинам. Это были мастеровые люди, которые устраивались на работу к богатым казакам. Им также не разрешалось жениться на казачках.

По воспоминаниям Леонида Жильцова 1937 года рождения, которые записали наши краеведы, внутри самого казачества расслоения не было, все ушли после революции с белыми. Знаком истории семьи Кривошековых даже вступил в дискуссию с магнитогорским краеведом Владимиром Бакановым, который поставил Александра Кривошекова в начале Гражданской войны на сторону красных. По мнению Леонида Михайловича, отец Бориса просто понял, что надо поддерживать пришедшую власть. Все остальные казаки вынуждены были помалкивать из-за репрессий и потихоньку перестраиваться.

Начало начал

Как известно, в станицу Звериноголовскую семья Кривошековых приехала в 1923 году, здесь маленький Борис пошел в только что открывшуюся школу крестьянской молодежи. Учительница Анна Косарева вспоминала, что Борис любил читать, много писал в школьную стенгазету «Луч».

В станице Звериноголовской даже выучил наизусть непрограмное произведение «Железная дорога» Некрасова. Собственные стихи 14-летнего Бориса под псевдонимом Ручьев были опубликованы в газете «Красный Курган» в 1927–28 годах.

Казачья культура

В библиотеке Дома культуры магнитогорским исследователям творчества Ручьева предоставили книги и материалы о поэте. Брошюра «Знатные люди и знатные места Звериноголовского района» содержала краткую, но очень яркую страницу его биографии. Из нее можно узнать о том, что юный комсомолец Боря Кривошеков с другом Мишей Заболотным стали активистами драмкружка при районном Доме культуры. В сборнике также напечатан отрывок из поэмы Ручьева «Невидимка», которая была написана в 1942 году в ГУЛАГе.

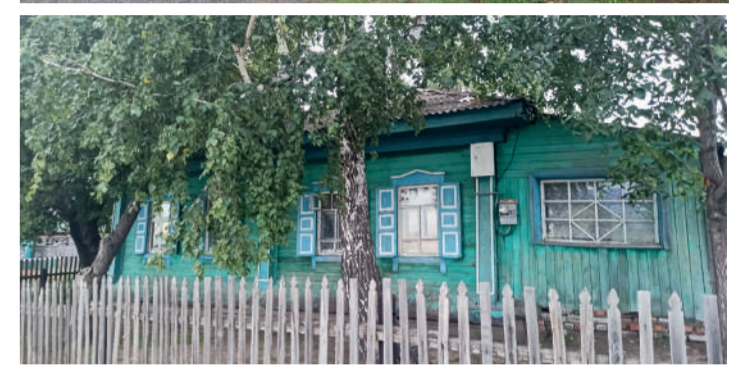
Благодаря нашему гиду Михаилу Хлызову мы побывали не только в доме, где жила семья Кривошековых, но и сфотографировали дом деда на крутом берегу Тобола, – поделилась впечатлениями главный библиотекарь Наталья ОРЛОВА. – Сегодня школа, где учился Борис Кривошеков, – это музей, светлый, старый дом, только немного обветшавший. Здесь есть залы, где расположены портреты писателей

руку мне на плечо и спокойно стал расспрашивать, кого я больше знаю из поэтов. «Пушкина и Демьяна Бедного», – не задумываясь, ответил я. Выглядел он в то время щупленьким, низеньким, синеглазым, скромным, с ласковым лицом, малословным и безгранично обаятельным. Он был по-осеннему одет и в серой поношенной кепке, в синей блузе, в сандалиях без носков. Поклонников у него было много. Его любили девушки-школьницы, уважали учителя».

Интересным исследованием поделился с аудиторией магнитогорский краевед Андрей СЕРОВ:

– Хотя Борис Ручьев по происхождению был оренбургским казаком не из бедной семьи, о казачестве в его произведениях я ничего не нашел. На четыре его сборника все три слова с корнем «казак»: «казачьи сказки», «казачьи кони» и «там казачье торгует водкой». Явно поэт обходит тему казачества. Из-за существовавшей тогда идеологической концепции, что казаки – враги советской власти, или были другие на то причины. Возможно, Борис Александрович считал, что казаки – это пережиток прошлого. По мировоззрению он был убежденным коммунистом, отвергал старый уклад жизни. В 30-х годах вступил в комсомол, потом в партию, несмотря на то, что 10 лет отсидел. В дневниках и записях поэт тоже ничего не говорит о казаках. Возможно, ему было некомфортно вспоминать, что его отец сотрудничал с Дутовым. При все при том традиционную казачью культуру Борис Александрович знал и любил.

Детство и юность Ручьева прошли в двух казачьих станицах – Еткульской и Звериноголовской. Жил он также в Троицке – центре третьего казачьего отдела. Традиционная казачья культура, пусть и подспудно, влияла на его мировосприятие. Борис Александрович слышал казачьи песни, видел народные обычаи и традиции, впитывал их. Например, в поэме «Зависть» он пишет: «О Карпатах поют песни, о каза-

чьих гнедых конях, по озерам, по густолесью за тобою ведут меня». Это про казачью песню «Между гор крутых Карпатских пробирался наш отряд» – 18 ее вариантов записано только в Челябинской области. Есть и другие примеры. В одно из стихотворений Ручьев вставляет частушку: «Нету броду в синем море, на груди не переплыть, нету горя горше горя – гармонисту пережить». То есть использует все жанры народного творчества.

Андрей Георгиевич напомнил, что в семье Ручьевых любили петь. Этому есть подтверждение в одном из его писем. Любимой песней матери поэта был романс на слова Некрасова «В полном разгаре страда деревенская». В юности Борис сам пел вместе с хором народной песни на слова Некрасова. «Первым басом песню цел, целоваться не умел», – напишет потом поэт. Ручьев был также страстным любителем гармони, о которой нередко упоминает в своих стихах. Умение играть по-народному описывается им с восхищением в поэме «Любаве». Он даже пытался сочинять в народно-поэтической манере – это явно видно в стихотворении «Лесник». Таким образом, можно считать, что одним из источников творчества Бориса Ручьева был уральский казачий фольклор, который он впитал в юности.

Чем больше изучаешь жизнь и творчество поэта, тем больше возникает вопросов и желания закрыть белые пятна его биографии – к такому выводу приходят все участники недавней этнографической экспедиции. Поэтому в их планах – организация новых поездок в Звериноголовку, разрешение вопроса о обновлении мемориальной доски на доме родителей Бориса Александровича, поиск новых сведений и людей, которые могут рассказать об истории станицы и семье Ручьевых. Привезенные из экспедиции материалы и диктофонные записи сейчас хранятся в лаборатории народной культуры МГТУ, ими могут воспользоваться все желающие.

ФОТО: ЕЛЕНА ПАВЕЛИНА